

Андрей Савельев

ПОКУШЕНИЕ НА АНТРОПОЛОГИЮ

Анализ спекуляций на антропологические темы в книге Марины Могильнер «Ното imperii: История физической антропологии в России» (М.: Новое литературное обозрение, 2008)

Когда берешь в руки увесистый том с научным названием, когда, пролистывая его, видишь огромную библиографию и портреты столпов науки, ожидаешь столкнуться с научным текстом. Но современность порой преподносит сюрпризы: за научной формой вскрывается политическая доктрина, которая призвана науку опровергнуть или фальсифицировать.

Читая книгу Марины Могильнер, то и дело задумываешься, в какой же области специалистом является автор? Весь текст пронизан странной терминологией, которая заимствована из западных постмодернистских подделок под философию и убивает всякий смысл в рассуждениях автора. Зато с соответствующей терминологией можно считать себя философом.

Собственно антропологи в книге очень мало. Изложение взглядов русских расовых антропологов крайне скудно и конспективно. Зато достаточно много оценочных суждений, представляющих ученый мир Российской Империи расколотым на тех, кто предпочитает «имперское разнообразие» и представляет «либеральную антропологию», и тех, кто нелиберален, а значит, лоялен к Империи и выражает воззрения русского национализма. В этом случае автор занят уже не антропологией, а исторической политологией, фиксируя различные течения политической мысли в достаточно узком кругу русских антропологов. Да иной раз напрямую говорит о том, что «раса» – категория не только научного, но и политического языка.

Труд Марины Могильнер разбит на три главы, которые имеют разную эмоциональную окраску. Первая глава заунывно скучна. Там можно узнать почти интимные подробности о частной жизни первых русских антропологов. И почти ничего об антропологии. Вторая глава, содержит много подобного же пустого материала, но смотрится «свежо», когда автор с особой любовью мусолит «еврейский вопрос» и доказывает, что Пушкин был не только негр, но еще и еврей. Наконец, третья глава при наличии фрагментов, вызывающих зевоту, и отдельных обращений к «еврейскому вопросу», все-таки относительно спокойна и может по большей части читаться почти как научный текст.

Таким образом, представлен некий синтетический труд, который невозможно отнести ни к одной области науки из классического и привычного перечня. Остается только предположить, что современные штудии русских расологов (прежде всего, Владимира Авдеева) совратили г-жу Могильнер, побудили ее опубликовать некое опровержение всего, что связано с истоками русской расовой антропологии и сегодня превращается в расологию и соответствующий стиль мышления, захватывающий общественную мысль.

Если отбросить пересказы фактов, не имеющих антропологического содержания, то все остальное в книге – достаточно хаотичное изложение проблем, которые затрагивает именно расология, а также политическая антропология. Фактически, труд Могильнер является невольным признанием того, что эти научные дисциплины имеют право на жизнь. Может быть, это единственная отрадная мысль, возникающая после прочтения этой книги.

Всевидящий глаз скрытного наблюдения

Толерантная российская общественность должна быть шокирована книгой, в которой с первых же строк речь заходит о расе – термине, без которого не может существовать антропология. Тем не менее, с первых же строк общественность может почти успокоиться: автор исследования Марина Могильнер не предполагает никакой возможности использовать этот термин для современности и в первом абзаце своего труда отмежевывается даже от современных републикаций русских антропологов, занимавшихся расовыми проблемами. Автор утверждает, что невежество бывает двух сортов: одно связано с неведением историков и антропологов, другое – с «вдохновителями современного расового русского национализма».

Нас мало волнуют проблемы историков и антропологов, которые в своей профессии столь несостоятельны, что игнорируют первоисточники русской расовой антропологии. Нас волнует, что в труде по истории антропологии говорится о некоем «русском расовом национализме». Что это такое, понять почти невозможно. Единственный намек в самом начале своей книги дает автор: с пренебрежением Могильнер отвергает всякую научную ценность комментария Владимира Авдеева к переизданным им работам русских антропологов, собранных в два тома «Русская расовая теория до 1917 года». Этот комментарий без всяких объяснений назван «идеологическим проектом». На том обличение и закончено. Хотя в книге автор еще несколько раз касается публикации Владимира Авдеева.

Полное спокойствие «толерантной» общественности должно наступить, когда она начнет наткаться в тексте Могильнер на вездесущий «еврейский вопрос», ставший по воле автора главным содержанием ранней русской антропологии. И уж совсем решительно госпожа Могильнер будет

реабилитирована за интерес к феномену «расы», когда «толерантный» читатель убедится, что ее работа профинансирована рядом еврейских фондов, а интеллектуальное вдохновение почерпнуто почти сплошь от нерусских людей. Разве в России русские имеют право говорить о расе и исследовать расы? Нет, «толерантная» публика на это согласиться не может. Она непременно объявит это «расизмом» и будет писать доносы во все инстанции. Иное дело, когда вопросом о расе занимаются евреи или просто нерусские.

Как расолог поневоле, Могильнер не может не касаться культурно-религиозных аспектов, сопровождающих «расу». Обращаясь к «еврейскому вопросу», автор замечает, что некоторые исследователи не считают антисемитизм в Империи расовым. Надо полагать, что антисемитизм в России всегда был разнородным – в одних случаях он выражался в реакции на иудаизм, в других – на образ жизни евреев и их общения с другими народами.

Мне всегда забавны такие формулировки, которые дают два сценария оценки, но ее основу сохраняют неизменной. В данном случае – об антисемитизме. Читателю предложено выбирать только формы антисемитизма – расовый или нерасовый. А что антисемитизм имел место – вещь для автора просто непреложная. Соответственно, и читатель должен следовать за автором по пути, накатанному и привычному: мол, все было бы ничего в Империи, если бы не антисемитизм. Честный этнолог или антрополог должны были бы спросить: о каких это семитах говорит мадам Могильнер? Что это за семиты такие, что так не угодили Империи? Увы, официозная (мнящая себя уже почти придворной) антропология в России чаще всего не способна задавать профессиональные вопросы. Поэтому и ответов на них в этой среде не существует.

Одно из открытий, которое сделает в книге Могильнер нетолерантный читатель, будет касаться обширнейшей библиографии, которая свидетельствует: даже исторический аспект русской расовой теории изучается за рубежом вдоль и поперек. В России – ничего (книга Могильнер, как она сама утверждает, уникальная, единственная и первая в этом роде), в англоязычном ученом мире – море публикаций. Здесь – запрет, там – горячий интерес. Раз в России антропологи и историки антропологии проглотили язык и полностью игнорируют тему, интересную ученым других стран, то, разумеется, мировоззренческая позиция в отношении даже самого термина «раса» формируется не у нас. Не у нас даются оценки и самой русской антропологии. Нерусские оценивают русских, как им в голову взбредет. А русские помалкивают. Когда же за дело берется Владимир Авдеев, когда он переиздает и комментирует уникальные книги, на него обрушивается поток грязной брани. От кого? От тех, кто обязан был заниматься своим делом, но почему-то решил предоставить это дело какому-то «зарубежному дяде». И теперь на подвижнический труд доселе вялые российские антропологи бодро отвечают клеветой и злобными оценками.

Тотальный расизм

Утверждение расологии видится в риторическом вопросе Могильнер: «Уместна ли в такой империи «раса» – одна из ключевых категорий западной модерности и западного империализма, позволяющая легитимировать новые социальные стратификации внутри посттрадиционных обществ и «отстранять» (делая возможным прямое насилие и символическое манипулирование) колониальных «других»?»

В дальнейшем книга отвечает на этот вопрос: да, «модерность» именно через «расу» и утверждалась в России. Иными словами, антропологический дискурс без расы невозможен. Почему же этот дискурс в России пытаются лишить ключевой категории? Мы знаем почему. Потому что эту категорию пытаются применять русские. А русских (по убеждению той же Могильнер) просто не существует – ни в культурном, ни в физическом плане.

Могильнер всюду старается закавычить русских. Собственно русских нет, а есть только «русские». И «иностранцы». Те и другие – почти одно и то же. Потому что «на протяжении столетий находились в ситуации интенсивного культурного контакта». Вопрос: культурный контакт меняет антропологию? Как известно, через культуру антропологические признаки (что они связаны с наследственностью, доказано совершенно однозначно) не передаются. Тем не менее, в ряду «культурных контактов» помимо войн, экономической кооперации и миссионерства, Могильнер отмечает также и смешанные браки и ассимиляцию «в том и другом направлении». В данном случае речь ведет явно не антрополог.

Физическая антропология как рационально организованное научное знание кажется последователям эпохи модерна чем-то противостоящим традиции. И в то же время средством подрыва гуманизма, который на эту традицию опирался, а если точнее – паразитировал на ней. «В ситуации десакрализации традиционной власти возростала роль образования, рационального точного знания, которое напрямую противопоставлялось традиции, культурному элитизму, непрактичному абстрактному образованию. Все это вместе в конечном счете привело к кризису гуманистического воображения, конституировавшего европейскую идентичность в качестве субъекта текста, языка и исторического ландшафта. Биологические константы в новой ситуации казались более устойчивыми и очевидными, нежели универсальные культурные категории».

Что это за текст? Это не физическая антропология. Это почти что политическая программа: нужно «точным знанием» (точнее мифом о точности и знании) разрушить сначала то, что осталось от традиции, а потом постмодернистским смешением всего со всем убить и это знание. Чтобы в мире не осталось ничего «точного» – ни традиции, ни знания. Как ни странно, сквозь разнообразные

по стилю и содержанию фрагменты книги просвечивает именно это стремление. И огромный и безвестный труд множества авторов, перечисленных в библиографии, – свидетельство серьезности намерений некоего не известного нам сообщества.

Действительно, теория Дарвина, перелицованная из науки в идеологию, должна была подорвать традицию и подкрепить тех, кого теперь называют «гуманистами». И потом покончить с собой как аморальная доктрина, не имеющая к науке никакого отношения. Дарвин нужен был для того, чтобы подкрепить шаткую идеологию «прогресса», имитируя объективное знание. Выполнив эту миссию, он был отправлен на покой, будучи заклеен как основатель бесчеловечного социал-дарвинизма.

То же самое происходит и с концепцией «расы». Сначала «раса» становится достоянием всех – каждого человека. И все расы уравниваются как объекты научного исследования. Тем самым подмененный язык науки обслуживает нивелировку всех культур и всего человеческого разнообразия. Когда общедоступная публицистика переполняется этим новым догматом всеобщего равенства, наука должна быть отброшена вместе с концепцией расы. Потому что больше нет надобности в исследовании разнообразия. Впрочем, в нем «гуманисты» не видели смысла с самого начала. Им нужно было только, чтобы все индивиды исследовались по универсальным методикам, и тем самым было подтверждено не различие, а универсальность. Все должны были признать всех равными себе. И только тайной секте, затеявшей все это, можно было сохранить знание о различиях и использовать его в своих интересах. Именно поэтому в современной России появились столь рьяные обличители, которым достаточно услышать слово «раса», чтобы обвинять произнесшего его в расизме.

Нам, русским, по мысли Могильнер, нельзя изучать расу «как категорию научного и политического языка». Почему? Мы смотрим, как оказывается, не в ту сторону. Ведь антропология, с одной стороны, может продолжать решение задач эпохи Просвещения по развенчанию всех традиций («десакрализация традиционной власти») и замену их образованием, рациональным точным знанием. Если все это направить по несколько иному вектору, то выйдет «кризис гуманистического воображения, конструировавшего европейскую идентичность в качестве субъекта текста, языка и исторического ландшафта». Стоит только вполне рационально взять на вооружение «биологические константы» и рассыплется, будто бы извлеченные из вечности, ранее спрятанные «универсальные культурные категории». Иными словами, чтобы быть признанным антропологом, нужно дополнить рациональное знание некоей «гуманитарной» парадигмой, которая, во-первых, не позволяла бы поднять голову силам Традиции, а во-вторых, не давала бы развернуть рациональное знание против либеральных ценностей.

Антропология при таком (вполне политическом) ограничении должна развенчать Российскую Империю и представить ее как социальное, географическое и этническое пространство, разодранное на клочки, не способное соединиться каким-либо внятным самоопределением. Что Империя, очевидно, вошла в историю именно как целостный субъект, новоявленного историка антропологии совершенно не волнует. Главное, что разделенность Империи декларирована некоторыми западными исследователями. Этого уже достаточно, чтобы все прочие доводы не принимались во внимание.

Допустимые рамки антропологии определены политическим выбором: антропологи должны доказывать отсутствие в Империи единства, подчеркивать и абсолютизировать разнообразие. В этом случае точность научных методик принимается: «физическая антропология... создавала новые и гораздо более «объективные» (по сравнению с гуманистическими) основания для конституирования различий – в том числе и внутри самой Европы, внутри некогда единого пространства «культуры». При этом и унифицируя, и разделяя, физическая антропология все равно воплощала пафос современности, инструментализм рационального знания», а раса «вскрывала» «любой мыслимый социальный, культурный и политический феномен».

Такую форму «вскрытия» любого социального феномена невозможно не считать политическим заданием, в основе которого лежит тотальный расизм – расистская ориентация на расчленение всех мыслимых общностей неким «точным знанием». Наука привлекается для анализа, а синтез совершается уже не наукой, а некоей сектой, пытающейся подмять науку и навязать ей свой догмат.

По отношению к Империи это выглядит так: «Новое знание об имперском человеческом разнообразии или о природе гомогенного и гармоничного национального организма, созданное в рамках передовой науки своего времени – физической антропологии, казалось в этих условиях не просто адекватным ответом на кризис старого режима, но и буквально рецептом модернизации империи». «Повсеместно антропологическая институализация опиралась на взаимодействие академической науки и общественного активизма, подчеркивая современность и востребованность нового знания. Поэтому и изучаться она должна не как формальная история науки, но история формирования и развития *антропологической парадигмы*».

От подобных характеристик основатели русской антропологии должны бы перевернуться в своих гробах. Оказывается, они были чуть ли ни ниспровергателями «старого режима»! И даже, будто бы, диктовали, что будет представлять собой иной режим! Якобы, на заре становления антропологии, образовалась некая парадигма, сокрушающая прежние представления о человеке, а вовсе не дополняющая их! Ведь новая *парадигма* есть

ниспровержение прежнего «миропорядка» науки, образование иных стандартов. Именно так мыслит Могильнер момент зарождения русской антропологии. И для обоснования всего этого привлекается особая методология: «вместо науки в строгом смысле слова», реконструируются «мотивы и логика сообщества российских ученых». Изучаются не столько научные идеи, сколько личности, которым приписываются некие скрытые «парадигмальные» мотивы.

Все-таки подобный оборот мысли – полностью на совести Марины Могильнер. Это ее личная интерпретация, произвольно составленный коллективный портрет русской антропологии. А точнее – выдумка, обусловленная определенным политическим выбором, который я называю тотальным расизмом. Для этого подхода все народы – фикции. Может быть, за исключением одного, который все остальные народы втайне считает «унтерменшами».

«Новый язык физической антропологии самим фактом переосмысления разнообразия в точных, математически верифицируемых, объективных категориях универсальной науки позволял осуществить революционный акт переописания. Фактически этот язык позволял пересоздавать мир на основе рационального знания – не описательного, а «точного», недоступного во всей полноте случайному наблюдателю, без специальной подготовки, вне особой процедуры исследования. Специалисты, умевшие видеть и анализировать эти скрытые от профанного взгляда законы развития, могли предлагать рецепты правильного, профессионального и адекватного управления человеческими обществами».

В этих положениях очевидным образом присутствует «сайнтизм» – вера в том, что некое «точное знание», доступное замкнутой группе, позволяет управлять обществом. Некая секта, уверовавшая в «точность» и «научность» своих методик, предлагается в правители, которые все будут делать «правильно», но по рецептам, которые для публики будут не известны. Секта своими силами не только создает эти рецепты, но еще и «переописывает» действительность. То есть, создает иллюзию для профанов, которые убого жили в своем «старом режиме», а теперь у них, как будто, должны открыться глаза: действительность совершенно иная!

Вероятно, госпожа Могильнер совсем не имеет представления о том, что есть научное знание, научные методики. Не знает, что есть научный факт, и в каком случае факт может быть признан «объективным». Не понимает, что научное знание вне культурного контекста бесплодно. Ибо тогда любой ученый сочтет свои фантазии «объективной реальностью», результаты своих частных исследований – открытием универсальных законов. Этим заблуждением автора объясняется многое из того, что написано-напутано в книге об истории физической антропологии в России.

Если расовые признаки не совпадают с племенными или национальными, то это вовсе не значит, что племен и национальностей не существует. Это лишь говорит о том, что расовые признаки в рамках племени и национальности имеют определенное разнообразие, а вовсе не ограничивают некий абстрактный «чистый тип». Это и понятно: люди создают сообщества, замыкая родственные связи культурными ограничениями, а вовсе не искусственным отбором по расовым признакам, измеряемым антропологами. Одно связано с другим: длительная родовая замкнутость создает типичный расовый портрет племени. Но при этом разнообразие не исчерпывается (лишь минимизируется), поскольку заложено в самой биологической природе человека.

Свободные от современного понимания проблемы расы рассуждения Могильнер над строками энциклопедий рубежа XIX-XX вв. ничего не стоят. Если ученые, писавшие эти определения, все же находились в русле своих исследований и шли к истине, наполняя формулы определений адекватным содержанием, то г-жа Могильнер наполняет слова старинных формулировок собственным пониманием, в котором чувствуется политическая ангажированность. Собственно, труд автора ценен именно обнаженностью этой ангажированности.

Расщепление истины

Антропология как наука о человеке не может быть в стороне от социальных процессов и, таким образом, физическая антропология и культурная антропология сближаются в интерпретациях научных данных об объекте своего исследования. Если говорить точнее, то физическая антропология, помимо собственной научной истины, имеет интерпретации результатов, приходящие из смежной области – политической антропологии. Примером чего и служит книга Марии Могильнер, в которой она сама стремится продемонстрировать расщепление антропологических истин по политическому выбору их открывателей: «Традиционная «история науки» как отвлеченной интеллектуальной традиции не может объяснить, как в одной и той же стране физическая антропология могла питать либеральные и даже демократические идеалы и претензии на политическое и социально-культурное доминирование, – не случайно она одновременно являлась наукой империализма и наукой национального самоописания, импонировала правым политикам и левым социальным реформаторам». Поскольку и сам автор не свободен от политических убеждений, то получается, что выводы антропологов, даже если они пользуются одними и теми же методиками, делятся на «правильные» и «неправильные». Причем, подобные оценки имеют политический характер. И даже прямо определяют характер отношений к расам и народам.

Зарождение антропологии в Российской Империи имело, естественно, очаговый характер и связано с различными научными центрами – Санкт-Петербург, Москва, Киев, Казань. Естественна и определенная ревность отцов-основателей, каждый из которых ничем не обязан другому. Возможности презентации исследований зависели исключительно от удачи. Если в одном центре возникал профессиональный журнал, пропагандирующий антропологические исследования, то к нему тянулись энтузиасты, подчиняясь определенной стилистике изложения. Это вовсе не означало некую «правоту» в сравнении с другими исследовательскими центрами, где была принята иная стилистика общественных презентаций. Тем не менее, политический выбор в пользу той или иной идейной ориентации позволяет интерпретировать стилистические различия в публикациях как идейное противостояние. Этой возможностью пользуется госпожа Могильнер. Отсюда проистекает спекулятивный результат: «неправильная» презентация ведет к выводу о «неправильной» антропологии. «Неправильным» Могильнер считает выделение кластера русских из многообразия антропологических измерений. Типажи должны быть непременно причудливыми, поскольку признаются только как малые группы, не означающие народы. Мол, культурные и антропологические ареалы не имеют корреляций. Слава Богу, современная наука доказала, что это не так.

«Неправильная» антропология, как оказывается, охватывает не только Россию, но и другие страны. Потому что, якобы, изобилие новых данных о неевропейских народах и культурах «интенсифицировали невротические опасения людей «старого света» в связи с возможной релятивизацией их культуры как неоспоримой и абсолютно высшей точки человеческой цивилизации». Якобы, «правильным» разрешением этой фрустрации стало «новаторское переосмысление политического процесса». То есть, согласие с тем, что европейская культура – не высшая форма, а одна из многих равнозначных культур. Разумеется, все это неправда. Это попытка навязать желаемое вместо действительного. Никакой релятивизации представлений о европейской культуре не произошло до сегодняшнего дня. Европейская культура была и остается доминирующей, человеческий тип европейца по-прежнему доминирует. Но кому-то очень надо использовать культурный релятивизм для того, чтобы временное ослабление европейской миссии сделать постоянным и, в конечном счете, фатальным. Для этого антропологический релятивизм – один из удобных инструментов. С его помощью доказывают, что народов и рас объективно не существует.

«Неправильная» антропология для г-жи Могильнер связана с «инерцией множества властных институтов и логикой конформизма» Санкт-Петербургской Императорской академии наук, якобы, привязанной к «старой, дарвиновской парадигме». Напротив, московские антропологи, либеральная московская профессура представлены как источник «правильных» антропологических исследований, интерпретаций и публичных

презентаций. Дарвиновский эволюционизм, нетвердо укоренившийся среди московских ученых, расценивается как единственно возможное условие возникновения антропологии. И, разумеется, никак не обходится без «еврейского вопроса». Московский доктор медицины иудейского вероисповедания А.Д. Элькинд, ставший к 1914 году редактором Русского антропологического журнала (РАЖ), представляет успехи антропологов-евреев на новом научном поприще.

Права московской либеральной профессуры и ее первенство в утверждении антропологии в России утверждается Могильнер весьма странно: не сообщением о результатах исследований, а историями о том, как московские антропологи боролись за утверждение антропологической кафедры в университете, как получали пожертвования и проводили выставки. Выставка, как оказалось, есть средство науки, «призванной обслуживать новые потребности модернизирующегося, динамичного, становящегося все более унифицированным современного общества», в котором исследователь работает «для удовлетворения в том числе и массового любопытства». Здесь, собственно, мы видим политическую программу: модернизация как унификаций и наука как презентация. И в дополнение – антиправительственный настрой, не предполагающий, что с властью вообще о чем-то можно договариваться.

«Формат выставки оказался адекватным новым общественным тенденциям». Почему? Потому что организация выставки – проявление власти (в формировании общественного мнения), обозрение выставки и свободные интерпретации ее экспозиций – проявление демократии. А все вместе способствует «формированию групповых солидарностей вокруг новых ценностей и образов» «новых демократических слоев потребительской культуры».

Подобная легитимация «правильной» антропологии в академической науке (через поддержку публики) сталкивается с «неправильными» действиями. Проведение в рамках выставки Славянского конгрессе 1867 года, который репрезентировал русско-славянское начало как ведущий элемент имперского антропологического разнообразия. Подобная «политическая» ангажированность кажется Могильнер неприемлемой. В особенности в предположении о важности контактов с «внеакадемическими партнерами» и в связи с «отсутствием консенсуса относительно характера российской государственности, «нации» и внутренних культурных границ». Пусть ничего подобного в самом деле не было, но непременно нужно утверждать, что это было! Чтобы «неправильная» антропология отступила и позволила «правильной» утопить русских в имперском многообразии и больше никогда не представлять русских народом, а тем более – опорой и ведущей силой Империи.

Сожаление публики по поводу того, что манекены на выставке, представлявшие русский тип, совершенно не соответствовали представлениям о нем, интерпретировано так: «Становилось очевидным, что «нейтральный» антропологический способ фиксации русскости не удовлетворяет потребности той части общества, которая видела в русских государствообразующую имперскую нацию».

Не будучи в курсе современных достижений антропологии и геногеографии, Могильнер не в состоянии оценить степень наивности ранних антропологических интерпретаций, которые оказались гораздо менее соответствующими истине, чем интуитивные представления публики, которая удивлялась, что русские женские типы выставлены как пучеглазые уроды с картофельными носами. Но от г-жи Могильнер критичное отношение вызывает не очевидная неготовность ранних антропологов к выделению русского типа, а сама попытка такого выделения. Якобы, возникла угроза «политической ангажированности нового знания и его идеологической амбивалентности в российском имперском контексте, где границы между метрополией и колонией, так же как и границы доминирующей нации и инородческой «периферии» не являлись четкими и не основывались на консенсусе общества и власти». Иными словами, прежде чем презентировать антропологические типы, Могильнер предлагает сначала дождаться некоего общественного консенсуса (причем вполне определенного типа), а потом уж под него подстраивать научную истину. Если же истина не соответствует «правильной» политической ориентации, то она не только не должна презентироваться, но и за истину почитаться не должна.

Действительно, антропологическая выставка 1879 года исключила выделение русского компонента и вполне удовлетворила либеральную публику бессистемной демонстрацией «эволюционизма в его либеральной трактовке». В духе подобной либерализации, власть многократно отказывала Русскому антропологическому обществу при Петербургском университете в средствах на издание своих трудов. Достаточно было и либерального московского РАЖ, не допуская сомнений в своем первенстве, проводящего «правильную» политическую линию и даже рекомендованного Министерством просвещения для школьных библиотек. Тем самым «дискурс оппозиционности» смыкался с легальной властью, отодвигая «неправильную» антропологию в сторону и открывая широкие возможности пропаганды либеральному «подполью», призванному расщеплять и раздроблять не только научную истину, но и государство. «Правильно» выстроенная презентация научных данных «привлекала радикально настроенную молодежь», подкрепляла ее социальные фантазии иллюзией опоры на объективные данные, точную науку.

Похвала глупости

Методики ранних стадий развития науки подчас носят наивный, примитивный характер. Ученые нащупывают возможность получения знания, выделения закономерностей из массива данных. При этом возникают неизбежные ошибки, о которых могут вспоминать разве что историки науки, прослеживающие закономерности поиска научной истины в совокупности творческих усилий ученых сообществ. Но одно дело вникать в закономерности развития научной мысли, другое дело – давать политические оценки тем или иным суждениям и предположениями, которые в конечном итоге не стали достоверным знанием. Предвзятый историк может представлять недостоверное как верное, если не сопоставляет прежние достижения ученых с современным состоянием науки. Именно так и поступает Могильнер, выделяя «выгодные» для ее политического выбора установки ранних антропологов и определяя их по своему выбору как «верные» или «неверные». При этом «верными» становятся те, что опровергнуты современной наукой.

Оценивая труды московского антрополога А.А. Ивановского, автор книги конспективно останавливается на итогах его деятельности, зато со вниманием относится к методологии и некоторым частным выводам. Классификация народов и уровней их родства, проведенная Ивановским на скудном материале, становится в определенных случаях поводом, чтобы представить его выводы как «верные»: «В целом классификация Ивановского разрушила представления о существовании чистых рас (за исключением евреев, о которых Ивановский однозначно заявил как о «целой, вполне изолированной антропологической группе, к которой не примыкает никакая другая народность»)...». При этом «категория «русские» Ивановским (и авторами антропологических работ, результаты которых он использовал в своей классификации) не использовалась вообще». «В классификации Ивановского категория «русский» оказывалась излишней, поскольку принципы этой классификации исключали даже мысль о возможности отдельной антропологии инородцев и некой особой антропологии титульного народа империи».

Результаты работы Ивановского были не итогом, позволившим сделать какие-то более или менее окончательные выводы, а лишь попыткой подступиться к проблеме антропологических различий между народами. И, разумеется, он прекрасно понимал, что «сомасштабным» русским не является ни один народ Империи. А потому в качестве объекта для исследования брал отдельные ветви русского народа – великороссов, малороссов и белорусов. Ясно, что чем многочисленнее народ, тем шире размах изменчивости антропологических параметров его представителей, тем ближе могут оказываться к иным народам его периферийные группы, проявляющие псевдоморфозы (лишь отчасти за счет смешения).

Стремясь «деполитизировать» свое исследование, Ивановский определил родство между изученными им народами и обнаружил некую «славянскую группу». Собственно, это и была объективно выделенная группа «русский народ», поскольку ее основу составляли великороссы, малороссы и белорусы. Но чтобы не предвосхищать подобный вывод, Ивановский предпочел «найти» эту группу в собранных им данных. Он ее нашел. И следовало бы сказать: антропологическое единство русских имеющимися исследовательскими материалами подтверждено. Но либеральная атмосфера Московского университета не позволяла сделать такой вывод. Тем более, что не все русские группы продемонстрировали близость к «славянской группе». Из нее в исследовании Ивановского выпали малороссы Киевской губернии и кубанские казаки. Напротив, в нее вошли поляки, литовцы, зыряне, казанские и касимовские татары и башкиры, а также астраханские калмыки. При ограниченности данных существенную роль сыграло обрусение городского населения. Но для политических интерпретаций современного ангажированного историка это не имеет значения. Из чего легко сделать вывод: «В итоге «славянская группа» не давала оснований для воображения «большой русской нации» и одновременно релятивизировала важнейшую категорию российского имперского социально-политического уклада – «инородец»».

Но этого мало. Оказывается, и «великороссы» подлежат развенчанию: нет такой антропологической группы. Поскольку ее составляющие находятся меж собой «в третьей степени родства». Зато совокупно они демонстрируют сходство первой степени с поляками, белорусы ближе всего оказались к казанским татарам (2-я степень родства), а малороссы и вовсе «дезинтегрированы». Разумеется, если не привлекать современных методик и теории, все это должно показаться «парадигмальным переопределением»: то, что видят глаза и ощущается национальным самосознанием, якобы, не соответствует «точной науке». В действительности, все совершенно не так. Последующие исследования опровергли все эти предположения – осторожные у Ивановского и безапелляционные у Могильнер.

Замечательно открыто в этом эпизоде обсуждения ранних антропологических работ русских ученых проявилась задача: отметить бесспорное антропологическое единство евреев и их отграниченность от других антропологических групп. А для русских – смешанность, которая, будто бы, не позволяет говорить о русских (и даже по отдельности для великороссов, малороссов и белорусов) как об антропологической группе. Таким образом, евреи «физически» существуют, а русские – нет. Цель исследования Могильнер вполне ясна из этого вывода, который не следовал из стародавних исследований, а из современных, как оказывается, следует вывод прямо противоположный.

Нам навязывается мысль, что проблема «русскости» была не столько задачей подкрепления антропологическими исследованиями самоочевидной реальности русского народа, сколько «политическим концептом» без всякой опоры: «В той же мере, в какой политический концепт русскости оставался одним из наименее четких и наиболее оспариваемых понятий российского политического языка рубежа веков, проблема определения расовой природы русскости являлась одной из самых сложных проблема российской имперской антропологии. Категория «русский» существовала как внешняя по отношению к антропологической номенклатуре, составленной из наименований народностей (и в частности, славянских народностей)».

Кто же оспаривал понятие «русскости»? Никаких сведений на этот счет Могильнер не приводит. Зато приводит одну частную опросную анкету, что фигурируют великороссы, малороссы, белорусы, поляки и т.д. Из частности делается глобальный вывод: «В этом ряду «народностей» Российской империи самодостаточностью обладали лишь евреи, развивавшие славянскую и кавказскую группы, «русских» же там не было вовсе». Вот так: евреи самодостаточны, все прочие – несамодостаточны, а русских и вовсе не существует!

Что есть несамодостаточность? Как ясно из текста – смешанность. Если один из ранних антропологов вывел тезис о смешанности славянского населения и присутствия в нем неславянских элементов (каких – надо еще изучить), то этого уже достаточно, чтобы считать, что великороссы – тоже искусственный концепт. А уж в отношении «русских» остается лишь одно: «категория «русский» оказывалась излишней». Г-же Могильнер не приходит в голову, что невозможно сравнивать несравнимое: русских нельзя сравнить ни с одним народом Империи, поскольку русский ареал обширен, русский народ многочислен. Отсюда – естественное разнообразие. Ни одного сомасштабного русским народа в Империи просто не было! Не с кем было сравнивать и евреев, которые лишены идентификационных черт в силу предельной распыленности и смешанности. Поэтому евреи выделяются в особую категорию, где поверять культуры антропологией нет никакого смысла. Ветви русского народа выделяются как элементы, хотя бы отчасти сомасштабные ареалам и численности других народов. Логика научных исследований не имела никаких политических подкладок, подсунутых теперь современным комментатором в полнейшем противоречии с научной методологией.

Либеральная антропология

Антропология может быть «русской» или «французской». Тогда термин, снабженный дополнительной характеристикой, означает принадлежность к некоей национальной научной школе. Антропология может быть «имперской» или «советской». И тогда прибавленная характеристика определяет

исторический период. Но вот что такое «либеральная антропология»? Ведь если допустить существование «либеральной антропологии», то придется признать, что имеет право на существование «коммунистическая», «консервативная», «националистическая» и прочие «антропологии».

Загадка разрешается просто: в данном случае речь идет не о физической антропологии, а об антропологии политической. У либералов своя культурная антропология, у приверженцев иных политических доктрины – своя. И это было бы справедливо, если бы либералы не подмешивали свои политические представления в физическую антропологию и не столбили в естественнонаучной дисциплине свой собственный участок, определяя его как «истинную науку», а все остальное – «ненаукой».

Либеральная антропология, по Могильнер, – это доктрина, признающая универсальность культуры, единство человечества, разнопорядковость категорий «расы» и «этничности», абсолютизирующая современное знание, проявляющая позитивистский эмпиризм («что вижу, то пою»). А еще утверждающая моногенизм (происхождение человечества от общего предка, определяющее расовое родство всех народов), антиколониализм (культурный релятивизм и право наций на самоопределение), модернизацию государства (внутренний структурный распад на разного рода федерации), отрицание национализма и антисемитизма (эти термины всегда ставятся рядом), идеализацию «смешанного физического типа», отрицание зависимости человеческих качеств и интеллектуальных способностей от расы.

Эта удивительная смесь политических постулатов и научных гипотез, действительно, составляет определенную доктрину, вычленяющую для антропологии очень узкий коридор возможностей, задаваемых ненаучными целями. Наука в этом секторе должна доказывать только то, что ей предписано. А предписано ей доказать, что народов «физически» не существует, что все культуры равнозначны, что люди ничем меж собой не различаются (даже если это видно невооруженным взглядом), что никаких коллективных прав и интересов не может быть в принципе, а национальные государства – вредные выдумки, подлежащие уничтожению вместе с характерными для них «национализмом и антисемитизмом». Причем все это совершенно не касается только одного народа – евреев.

Под либеральной антропологией в работе Могильнер понимается в частности представление о «разнопорядковости» расы и нации. При этом нация отождествляется с этничностью, а этничность означает язык и культуру. Таким образом, понятийная путаница политических и неполитических понятий создает вполне определенный политический выбор: раса не имеет никаких культурных и языковых признаков. Что это не так, убедиться несложно по современным исследованиям. Да и в термине «раса» наука всегда видела не только параметры, измеряемые физическими антропологами. Именно поэтому

имеет все основания существовать расология – наука о наследственных качествах людей, которые проявляются не только в физическом облике, но и в культуре. Культурные признаки передаются по родственным связям и сопровождают (хотя и не определяют) генетическое родство. Это не абсолютное правило (культуру можно передать и не по родству), но действующее всюду, где люди живут семьями, воспитывают детей и не путешествуют за тридевять земель, чтобы подобрать себе спутника жизни. Люди, в отличие от животных, помнят родство не только физическое, но и духовное. Либеральная антропология призывает отказаться от духовного родства, предъявляя тем самым свой политический догмат: пренебрежение к ценностям семьи и рода, с одной стороны, и ценностями национальной культуры с другой. То есть, либо признается физическое родство, либо культурное. Никак не вместе. Тем самым политическая доктрина выступает против очевидного факта человеческой истории.

И вот в эту «историю антропологии» пытаются втащить основоположников – русского антрополога Дмитрия Анучина и германского антрополога Рудольфа Вирхова. Их работы и общественные позиции интерпретируются в политическом ключе: рационализм противопоставляется национализму. Якобы рационализм науки призван не осмысливать социальную действительность, а «переосмысливать» – то есть, не дополнять и обогащать прежние смыслы, выработанные традицией, а ниспровергать их. Тем самым мы видим, что либеральная антропология диктует вовсе не культурную индифферентность рациональных исследований, а направление их против традиции, к социальной революции.

Приписывая русской антропологии отделение духа от тела, Могильнер пишет: «Национальные интересы России, сама ее национальная суть не совпадали с понятием этнической или некоей духовной метафизической русскости, не выражались в гуманитарных категориях, а требовали научных инструментов и нейтрального и универсального естественнонаучного языка для своей реализации».

Чтобы доказать, что основоположник русской антропологии Д.Н. Анучин был чуть ли не революционером, приводится фрагмент его беседы с Львом Толстым и критическое отношение последнего не только к национализму (без определения, что под этим подразумевается), но и вообще к учету любых физических или культурных различий между людьми. Позиция писателя, впавшего в старческое слабоумие и бесплодный морализм, без всяких на то оснований переносится на его собеседника и делается вывод о том, что уже сама эта беседа (и ее публикация Анучиным) становится символической инвестицией в либеральный политический проект: «В этом контексте Российская империя по определению представляла не как русская территория, а как некое над- или межнациональное пространство, научное освоение и

изучение которого, т.е. рационализация, есть задача сколь научная, столь и политическая».

Статьи Анучина, посвященные японцам и опубликованные в период русско-японской войны, интерпретированы совершенно превратным образом: «...японцы-шовинисты Анучина подозрительно напоминают русских националистов, а критика проявлений японского шовинизма – либеральную критику русского национализма». Столь бессовестное подверствывание публичных выступлений ученого-патриота под задачи врагов России, конечно же, многое говорит о том, кто все это выдумал.

Дальнейший комментарий позиции Анучина в период войны клеветает уже не только на русских антропологов, но и на Россию в целом: «Русские в данном случае относились к «европейцам», и японцы противостояли им как «иные» – но расовая инаковость в интерпретации Анучина не предполагала полной изолированности, отсталости, неразвитости и нецивилизованности. Таким образом, Анучин опровергал расистские по своей сути взгляды, бытовавшие в России». «Национальность в интерпретации Анучина оказывалась не просто изменчивой, но преходящей категорией – лишь стадией на длинном пути от расового многообразия к слиянию во всечеловечестве...»

Могильнер прямо требует от ученого политического выбора: «... либеральная политическая программа, на которую была ориентирована антропология имперского разнообразия, не требовала объективации русскости в качестве закрытой для представителей других народностей расовой группы». (И с какой же стати «требовать» закрытости, если налицо объективная открытость в определенной пропорции, сохраняющей народ от размывания?) «Пропагандист антропологии «русских» в этой ситуации просто не мог быть аполитичным ученым, но безусловно делал выбор в пользу определенной политической программы».

Мы видим, в какой узкий коридор загоняется наука, как желаемые политические ограничения переносятся в прошлое. Нет сомнений, что и в настоящем подобное же имеет место со стороны либералов, которые насильственно усекают науку и фальсифицируют ее результаты, подгоняя их под свои бесчеловечные цели.

Еврейский Пушкин

Кто чтит великого русского поэта Пушкина – ценит его стихи, поэмы, драмы, повести, сказки. Кто стремится проникнуть в тайну гения Пушкина – знает его биографию, его окружение, атмосферу эпохи. Как же назвать того, кто, опуская все это, начинает выверять пушкинскую «кровь», исчисляя в нем русское и нерусское? Вероятно, для такого «исследователя» затруднительно

найти определение. Ясно одно: Пушкин был и остается русской гордостью и славой, русским гением, крупнейшим в русской культуре творцом. Зато для современных «либеральных антропологов» Пушкин представляет собой травму самосознания. Не принимая ничего русского, они бесспорную действительность Пушкина пытаются выдать за действительность нерусскую. И нерусские предки Пушкина становятся «пунктиком» в либеральном мировоззрении. Любое касательство русскими антропологическими вопросами вызывает вопль: «А Пушкин?!». Русский вздрагивает от этого крика: «Причем тут Пушкин?». «А при том, что он – нерусский! Он...». Дальше на выбор – негр, «никто не знает что», афроевропеец или что-то в этом роде.

В книге Могильнер предпринимается попытка столкнуть два ранних исследования генеалогии Пушкина – исследование Анучина африканской ветви его предков и исследование Сикорского ветвей его многочисленных русских предков. При этом Анучин представляет «либеральную антропологию», а Сикорский оценивается как «ненаука». Таким образом, из Пушкина вычищается все русское, а оставляется исключительно африканское. Домысливая некоторые детали, Могильнер сообщает, что Пушкин, де, африканец, но не негр! А кто? Угадайте! Не выходит? Так вот, Пушкин – еврей!

Пространное изложение этой нехитрой манипуляции со смыслами затушевывает абсурд, видный в беглом пересказе.

Анучин, понимая, что родословная Пушкина включает вовсе не одного Ганнибала, но также и еще шесть родов – безусловно русских, поставил себе задачу выяснения именно африканского родства Пушкина. Определив, что Ибрагим Ганнибал, прадед Пушкина, происходит из аристократической семьи абиссинского князя, он вывел, что следующий из физического облика психологический тип никак не может быть отнесен к негритянскому, который если и относится к людям, то остается низшей расой и вряд ли когда-нибудь догонит в развитии остальные расы. Ибо негры, как полагал Анучин, лишены благородства, моральной чистоты и природного ума. А африканские предки Пушкина относились к переходной расе с европеоидными чертами. Ганнибал был представителем «эфиопской расы, которая в общем существенно отличается от негритянской».

Анализируя внешность Пушкина, Анучин пришел к выводу, что в его типе преобладают черты белой расы с некоторыми абиссинскими элементами в контуре профиля, выпуклости лба и других характеристиках. Кроме того, его волосы относятся к темно-русым и отличаются от африканских волос как более низкой концентрацией пигмента, так и формой поперечного разреза.

Относительно несложная задача исследования Анучина, не имеющая никаких «задних» мыслей или политических интерпретаций, в современной либеральной мысли выразилась так: «Из текста анучинских очерков само

собой следует, что всечеловечность Пушкина – результат не только его индивидуальной одаренности, но сочетания в нем столь разных антропологических элементов». А также: «Пушкин в очерках Анучина воплощал определенные тенденции расового развития, сформировавшие совершенный инструмент для выражения национального гения».

Что же это за тип «общечеловечности»? Могильнер использует оговорку Анучина о том, что хамитская раса, объединявшая абиссинцев, галласов, нубийцев и египтян, хоть и уверенно отличается от семитской, но «восприняла в себя, несомненно, семитскую примесь». А также вскользь упомянутый Анучиным «некоторый семитический оттенок» в облике Пушкина. Этого достаточно, чтобы Пушкин превратился в еврея. «Оттенка» при такой спекуляции всегда достаточно, чтобы превратить его в доминирующую черту.

Второй план этой спекуляции – опровержение самой задачи выяснения родословной поэта как нравственно порочной. «Антропологический дискурс расоизирует реальность по определению, но именно в контексте анучинских очерков о Пушкине – русском гении-всечеловеке – этот дискурс вдруг потерял свою нейтральность и приблизился к тому, что мы сегодня называем расизмом, дав нам возможность оценить глубину травмы, которой стал Пушкин для русского либерального самосознания». «Расизм как агрессия был ответом на не вполне рационализированную фрустрацию в связи с невозможностью логически проследить западную генеалогию «русскости-всечеловечности» Путина». «Либеральная антропология... превратив Пушкина в репрезентацию русско-европейского гения, совершенно лишила его свободы просто «быть»». «Сложно даже представить, что бы делали Анучин и его коллеги с Пушкиным, к который сам выбирает свое «негритянство», сам в него играет, а также сам формирует свой «петровский текст» и интерпретирует свою русскость».

Все эти изощрения, видимо, призваны показать возможность фабрикацию личности Пушкина как кому взбретет в голову. Вплоть до воображаемых встреч Абрама Терца с русским поэтом, которому тот является как некая самостоятельная, самоопределяющаяся и никак не связанная со своим родством сущность: «Здравствуйте, а я – Пушкин!». Из русского гения получается идиотизированный ребенок, который придумывает себя как негра, на самом деле являясь евреем. Еврей, играющий в негра на забаву умиленным постмодернистам.

С нескрываемой ненавистью говорит Могильнер об Иване Сикорском, позволившем себе исследовать русские корни Пушкина. Это исследование ученого, ставшего известным публике в качестве эксперта обвинения по делу Бейлиса, «открыто пропагандировавшего русский национализм», «убежденного антисемита», «практиковавшего опыты на живых людях» объявлено как «Анти-Пушкин». Почему?

Во-первых, либеральной антропологии претит всякий пафос по поводу того, что Пушкин был «необыкновенным и беспримерным отражением русского народного духа». Это утверждение, надо полагать, считается просто неверным. Во-вторых, Сикорского вообще не волновали «негритянские» предки поэта. Это, с точки зрения либералов, предосудительно. Куда как интереснее эта примесь, чем древнерусский род Пушкиных!

Анти-Пушкин – это позиция, прокомментированная следующим образом: «Сикорский придерживался распространенного в антропологии мнения, согласно которому при расовом смешении характеристики каждой расы не смешиваются, а передаются автономно. Соответственно Пушкин получил некоторые черты «по руслу негритянской человечности», но все основные, доминирующие качества пришли к нему «по русскому руслу белой расы». Длительная история рода, в котором не было «дегенератов, не было уголовных преступников», свидетельствовала, по Сикорскому, о его расовой устойчивости».

Что же здесь неверного? Что не соответствует научному подходу? Ведь теперь мы точно знаем, что гены не смешиваются, а смешиваются определяющие их признаки. Знаем и генетическую природу дегенерации, врожденность предрасположенности к преступлениям. В чем проблема? А вот в чем: все это доказывает «доброкачественность русского рода Пушкиных» и его способность ассимилировать инородный расовый элемент!

То есть, по мысли либералов, Пушкин в принципе не мог избавиться от каких-то роковых «кровей» его прадеда и не мог быть русским. Поверхностным и со «стилистической ужасающей риторической игрой» (на самом деле – типичной в стилистике конца XIX века) назван такой оборот из статьи Сикорского: «Он плоть от плоти и нервная клеточка от нервной клеточки своего Пушкинского рода. Африканский аромат, прибавленный к Пушкинскому составу, только придал огня и пикантности этому нравственно-незыблемому составу, сыграв при этом роль служебного, а не зиждительного начала».

Отчего эта ненависть? А вот отчего: Могильнер полагает какую-то фатальную близость между американскими неграми и российскими евреями: «...аналогом негров в России для Сикорского были евреи, – дегенеративная раса» со столь же низкими и общественно опасными расовыми инстинктами, присущими им как народу и каждому индивидууму в отдельности. Именно против этих еврейских инстинктов, считал Сикорский, «культурные» русские «защищаются» погромами и стремлением к изоляции».

Могильнер видит аналогию в строках Сикорского по отношению к неграм США, «где хищная чувствительность и эротическая дерзость негритянских элементов делают опасным для белой женщины всякую близость цветного субъекта. Отдельные вагоны в поездах железных дорог, отдельные залы в

ресторанах и все глубокое отъединение белых от черных вызывается далеко не одним только запахом негра или цветом его кожи, но, в гораздо большей степени опасностью дикого инстинкта, против которого культурный американец не удерживается защищаться погромами и судом Линча». Тем самым осуществляется невольный перенос характеристик одного расового типа на совершенно иной – быть может, вообще не описываемый в терминах расы. Причина тому вовсе не в возможности подобной аналогии, а в том, что Сикорский выступал в деле Бейлиса. Либеральная публика простить ему это не может и столетие спустя.

Сикорский вообще не писал о том, что в Пушкине могут присутствовать какие-то семитские черты. Даже в предположительном ключе не обсуждал это. Но проблема клеится ему вместе с Бейлисом: «...в русском Пушкине можно было допустить сильно ослабленный влиянием белой расы негритянский инстинкт (он даже способствовал обострению столь важного для поэта умения схватывать ощущения и переживать впечатления), но было категорически недопустимо присутствие семитической крови. Эта тема сразу актуализировала российский контекст, как понимал его Сикорский, где не культурно иные и очень далекие негры, а растворенные в обществе русифицированные евреи угрожали расовой чистоте русской нации – той самой чистоте, которую иллюстрировал род Пушкиных». Вот в чем главная причина ненависти: Сикорский не допускал, что в роде Пушкиных были евреи. Следовательно, не допускал и того, что Пушкин – еврей. А ведь он, по убеждению Могильнер, все-таки еврей!

Получается, что у русских свой, русский Пушкин, а у еврейской антропологии – свой Пушкин. У русских – величайший русский поэт, у евроантропологов – полунегр, полусемит.

Антропология имперская и антиимперская

Фундаментальная наука чаще всего не озабочена прикладными вопросами. Для постановки и решения этих вопросов есть прикладная наука. Но любая наука в своем развитии направлена не только на углубление понимания природы, общества и самих себя, но и на изменение жизни людей. Соответственно, физическая антропология должна иметь какой-то продуктивный «выход». И такой выход русские антропологи видели с самого начала в изменении национальной политики, в «утряске» разнообразия имперских этносов, которая дала бы возможность им сосуществовать. Если либеральная модель общества предлагает просто отвернуться от проблемы разнообразия, изучая его, как изучают планеты: глядя в телескоп, – дистанционно, «не прикладая рук», то национально-консервативное мировоззрение всегда искало и до сих пор ищет и пытается утвердить реальный проект общежития народов России. И, разумеется, выделяет

русский народ как государствообразующий. Что требует мыслить Россию как русское государство, где живут и другие народы, защищенные от дискриминации статусом национальных меньшинств.

Иван Сикорский как ученый и верноподданный Империи свои усилия как профессионала направлял не к абстрактной истине. Он изучал Империю и защищал ее. И тем самым становился мишенью для всех врагов Империи. Его фигура в истории русской антропологии так и осталась объектом для клеветнических нападок. Не только за участие в процессе Бейлиса, но и за то, что он видел, что угроза Империи исходит от польских и украинских сепаратистов и еврейских нигилистов, и открыто говорил об этом.

Сикорский видел Империю как русское государство, которое должно быть пронизано русскими чертами во всем ее пространстве. Поэтому теперь ему приписывается ориентация на насильственные методы и «дискурсивные манипуляции». Сикорский не просто фиксировал связь между расой и нацией, но и отмечал что это две формы народной жизни: раса – базовая ступень, которая переходит к нации, если соединение расовых групп органично, добровольно. Тем самым формируется раса-нация – биологическая и одновременно культурно-политическая общность.

Что в этой конструкции органического единства русского народа не нравится либеральному комментатору? Во-первых, такое единство предполагает существование русского народа. Во-вторых, оно снимает сепаратистские поползновения выдуманных «наций». Когда Сикорский говорит, что украинской нации нет и никогда не было, либерал ехидно хихикает: так ведь потому что и русской нации нет! Но Сикорский основывался на реальности: дробление на великорусов, малороссов и белорусов связано с несущественными, второстепенными, скорее лингвистическими, чем антропологическими особенностями. У так называемых украинцев нет ни политической, ни расовой истории. И Сикорский доказывал это, разоблачая антинаучные построения известного «творца украинской нации» Грушевского, который основывал их на единственной критерии – черепном указателе. Сикорский же привлекал широкий набор лицевых, носовых, глазничных указателей. И показывал, что расовых различий между великороссами и малороссами не существует, а «украинство» – это доведенная до абсурда лингвистическая шизофрения. Преобладание великорусского языка в письменности, как указывал Сикорский, проявилось только в конце XVIII века. Возможно, речь шла просто об исторической случайности или же о периоде, когда великорусская грамотность начала доминировать в силу большего развития великорусских территорий. Но Сикорский предпочитает видеть здесь «перевес воли», обусловленный большей долей «финской составляющей» у великороссов, которая обусловила более стойкий волевой уклад.

Конечно, некоторые моменты в этих рассуждениях Сикорского не укладываются в терминологию современной науки. Но общее направление его мыслей совершенно верно и полностью соответствует современным данным науки. Что касается либеральной критики, то она цепляется к устаревшим формам изложения, спекулируя на изменениях языка науки. Базовое расхождение состоит в том, что либералы пытаются разнообразие признаков в расовой группе представить как ее отсутствие, а научный подход говорит о том, что разнообразие может быть столь же характерно для расовой группы, что и черты сходства в ней: вариации отдельных признаков могут быть характерны именно для этой группы, а у другой наблюдаться с существенно отличной частотой. Либералы любое разнообразие используют для доказательства, что народов не существует, а существуют лишь индивиды. Наука опровергает этот домысел, подтверждая общеизвестное: народы существуют, они разнятся не только культурой, но и физическими параметрами. Что, собственно, ясно и из того, что политические, языковые, культурные границы замыкают сообщества людей, затрудняя проникновение в них пришлых элементов, что обеспечивает родство в замкнутом (не абсолютно, но относительно) сообществе, а из родства складывается народ – родные друг другу люди, имеющие общие черты как родственники.

Не имея достаточных данных, Сикорский высказал верную гипотезу о том, что русские – одна из наиболее однородных групп арийцев, которая, наряду с германцами, развивает национальные основы жизни. Не имея достаточных данных о самом русском народе, Сикорский пытался решить общие проблемы характеристики русских через «другого» – традиционно негативный образ еврея. Либеральный критик, разумеется, называет это «антисемитизмом» и ехидствует по поводу того, что «русский вопрос» никак не решается без «еврейского». И, собственно, обсуждая «человека Империи» сам более чем наполовину заполняет страницы своего труда именно «еврейским вопросом». Если Сикорскому это простительно в силу недостатка данных, то современные знания не дают никаких оснований привязывать изучение антропологии русских к антропологии евреев. В данном случае исследовательские задачи принципиально различны как по объекту исследования, так и по методике (в силу того, что русские живут преимущественно компактно, а евреи – в диаспорах).

Чтобы дискредитировать Сикорского перед лицом истории, либеральный комментатор пускается на всевозможные ухищрения: обвиняет ученого в «западничестве» и противоречии со славянофильской доктриной (якобы, утверждавшей, что русские – неевропейский народ), попрекает его тем, что он лично не ездил в археологические экспедиции и не проводил измерений (что было естественно для теоретика, которому необходимо было охватывать большие массивы информации, а не проводить локальные исследования), наконец, доходит до обвинения в болезненных экспериментах на живых людях. Разумеется, как «антисемиту» Сикорскому надо было проводить эти

«циничные» эксперименты непременно над евреями. И только о таких «экспериментах» упоминает Марина Могильнер. «Мучение» состояло в том, что, вылечивая 19-летнюю еврейку от нервной икоты, Сикорский при публикации результатов своей практики указал ее имя. И ничего более.

Сикорский прекрасно видел, что русский народ пополняется за счет русификации, когда сначала инородческое население приобщается к русскому языку, затем к имперской государственной системе и русской культуре, а затем вступает с русскими в родство. Тем самым русский народ в Империи стал не просто самым многочисленным, а охватил вместе с ассимилированным населением более двух третей населения страны. Все условия для утверждения Империи на всем ее пространстве как русского национального государства сложились. Проведению процесса русификации периферии оптимальным образом и должна была способствовать имперская антропология.

Особая ненависть к Сикорскому сквозит в плохо скрываемом торжестве по поводу того, что, умирая, в 1919 году в Киеве, он своими глазами видел крах Империи. А также в том, что ныне работы Сикорского воспроизведены в сборнике «Русская расовая теория до 1917 года», а могила ученого в Киеве «выглядит ухоженной, и кто-то приносит туда цветы». Имя его должно быть забыто, раз он представлял «неправильную» науку.

Либеральная критика обязательно должна была найти какой-нибудь маловразумительный труд в противовес Сикорскому. И такой труд был найден. Им оказалась работа жившего под двумя фамилиями и личинами Федора Волкова (Хфедора Вовка). Антиимперская политическая позиция Волкова-Вовка, столь милая современным либералам, вылилась в антиимперскую антропологию: искусственному выведению некоего «украинского антропологического типа». Причем, типа наиболее чистого, сохранившего «древний славянский (динарский) тип», не затронутого татаро-монгольским нашествием. Все эти измышления в ту пору без труда опровергались историей (южнорусские земли были наиболее открыты для набегов кочевников как в доордынский, так и в послеордынский периоды), а сегодня опровергнуты генетическими и антропологическими исследованиями. Игнорируя эти исследования, либеральные критики имперской антропологической школы, совершают подтасовку, в которой в полной мере отражается их политическая позиция. Все это называется ими «научное украинофильство».

Критику имперской «национализирующей» антропологии либералы строят также на использовании данных армейской антропологии, изучающей инородческую периферию Империи. Этому направлению исследований придается отчетливо милитаристский замысел: «пересчитать – изъять – уничтожить». Поразительно, но такая оценка касалась, прежде всего, деятельности армейских медиков. Этот заряд ненависти связан с гипотезой

исследователей о том, что метисация имеет вредные последствия, включая бесплодие. Отчего данное обстоятельство может быть использовано в социальной политике с целью регулирования метисации и «формирования более гармоничного и здорового социального тела». Рациональное оформление имперского организма – вот что вызывает бурное недовольство либералов. Но более того – положение евреев в русской армии. Фиксация особо высокой неспособности к службе среди евреев-призывников из статистической закономерности превращена в некий дискриминационный настрой русских военных врачей. В целом соотношение годности к службе с культурой, религией, национальностью, склонность расовых групп к тем или иным заболеваниям считается чем-то из ряда вон – расизмом! То же отнесено к пищевому режиму армии, который «не адаптирован к национальному разнообразию». Особенно страдали, как выясняется, евреи, которым солдатская пища была непривычной.

Разоблачение «антисемитской и антиинородческой» позиции военных врачей со стороны либералов особенно обострено по отношению к периоду Первой мировой войны, когда унификация армейской жизни должна была укрепиться, а процедуры военной медицины дисциплинироваться в наибольшей мере. В этот период оказалось невозможным далее вести «коррекцию, смягчение, притирку и рациональное распределение «биологически» не сочетаемых элементов». Поэтому армия «начала мыслиться как институт русского национального государства, которому, как и империи в целом, угрожают инородцы с их национальными устремлениями». Помимо всего прочего, война породила «новый армейский антисемитизм». Либералу важна не боеспособность и сплоченность армии, не ее традиции, которые в армии России всегда были русскими, а уважение к «имперскому разнообразию». Это уважение оказывается выше, чем судьба Отечества, которая должна сделать из солдат любой национальной принадлежности единый тип – тип русского солдата, чудо-богатыря. Естественное положение, при котором основную ношу войны несли на себе русские, а инородцы демонстрировали в целом значительно меньшую годность к службе в условиях войны, Марина Могильнер превращает в обвинение: в армии сложилось представление о здоровом русском расовом ядре, окруженном расово неполноценной и ненадежной инородческой периферией. Но ведь это объективная данность! Вместо благодарности русскому народу за то, что он спасает другие народы от вооруженного нашествия, ему выставлена претензия: мол, права инородцев уже самим комплектованием армии ущемлены. Особо возмущен либеральный критик русской армии тем, что евреи высылались из прифронтовой полосы.

И вот итог: «превращение в годы Первой мировой войны понятия «русский» в категорию практической политики выявило полную неспособность империи, и военных профессионалов в частности, соответствовать собственной версии модернизации (как и интегрировать нерусские элементы под общими лозунгами гражданственности и патриотизма». То есть, патриотизм в России

не может быть русским, гражданственность не может быть русской, понятие «русский» не имеет прав быть категорией практической политики, с русскими не может быть связано никакого модернизационного проекта.

Что это? Русофобия в самом ее циничном виде!

* * *

Итак, книга Марины Могильнер представляется как неплотно прикрытая историографической фактурой русофобская агитка. Причем автор выступает как бы от имени и по поручению евреев, для чего русских представляет как «тень другого» – нечто несуществующее в реальности, но символически означающее всяческую дискриминацию евреев. И это подтверждено массой примеров, заполнивших книгу. Причем, под дискриминацией понимается все, что угодно. Даже тот факт, что Пушкин – русский.

Ненависть к России и русским, как подтверждается самим явлением этой книги, выстроена в пирамидальную структуру. Если ее самое очевидное проявление – клевета так называемых «правозащитников» на русских общественных деятелей, припудренная суждениями со ссылками на право, то в данном случае мы видим проявление некоего другого уровня этой структуры. Накопившаяся в нем ненависть прорвало так, что ее невозможно скрыть даже попытками придать тексту научный характер. Мы видим, что на этом уровне незримой русофобской пирамиды ведется огромная работа по изучению всего и все с позиций вполне оформленных и зафиксированных. Мы видим их в книге Могильнер, угадываем по обширной библиографии и отдельным цитатам из современных работ.

Наверняка есть и другие уровни, где ненависть скрывается более профессионально, а результаты ее не декларативны, а вполне реальны. Иначе трудно объяснить, что происходит с Россией и русскими. Не совсем уж напрямую, но книга об имперской антропологии нам сообщает некоторое знание о тех тайных механизмах, которые запущены ради того, чтобы стереть с лица земли русский народ и отправить Россию в историческое небытие.

Посетите [Библиотеку Велесовой Слободы](#), где вы можете скачать все публикации с 2003 года, а также [Архив сайта](#)!

Велесова Слобода, 2009 г.